

Добердоб

(Excerpt in Russian)

Translated by: Aleksandra Krasovets
Contact of the translator: aleksandrakrasovec@yahoo.com

III

Словно нарочно уже на следующий вечер пришел приказ: «Выдвигаться!»

Неприятель, который в течение двадцати четырех часов обрабатывал австрийские передовые позиции самым ожесточенным артиллерийским огнем, какой до сих пор довелось пережить Сочанскому фронту, послал пехоту в атаку, решив, что на переднем рубеже и мышшь не уцелела бы. В тот момент, когда пехота приступила к действию, пушечный огонь покрыл все пространство за линией траншей с целью предотвратить подступ подкрепления. Даже в овраг, в котором было укрепление, уже несколько часов летели снаряды. В счастье, враг в этом отсеке стрелял слишком далеко, не намного, лишь на ширину оврага. Несколько батарей извергало сюда гранаты крупного калибра, снаряженные мелинитом. Уже несколько часов подряд батальон являлся свидетелем этого обстрела. Мозг в тупом ожидании был поглощен одной-единственной мыслью: что будет, когда они возьмут на прицел более близкую цель?

И правда, уже к вечеру они заметили, что батареи противника отходят от первоначальной цели. Широкая огненная воронка надвигалась в сторону оврага, медленно, выстрел за выстрелом, насколько вообще можно было различить отдельные залпы. Град камней и железных осколков с каждой минутой сыпался все ближе.

Хельд во второй раз повернулся к своему соседу, сидящему на корточках на соломе.

— Ну, Пекол, что скажешь?

Обращался он как раз к правильному человеку. Пекол был не из пугливых и страха не знал. Но вот уже несколько часов он сидел молча, прислонившись к мокрой скале, и таранился перед собой, будто лишился разума. То, что разыгрывалось у него на глазах, его ум постичь не мог. Он знал лишь одно, что перед силой, которая шипела и громыкала там перед ним, не устоит ни одна оборона. Если только закопаться в землю, Бог знает куда. Над крышей противно завывало. Каждое эхо было лишь коротким, вздыхающим писком, но их было столько, что все они сливались в один-единственный продолжительный смертельный вихрь.

Пекол не ответил и на повторный вопрос. Вместо него пробудился от дремоты сосед Хельда слева, цыган Марош.

— Кто и что еще может тут сказать...

Голос у него был такой, что Хельд больше не спрашивал, так как почувствовал в нем то, что зрело в нем самом весь вечер.

На крышу снова обрушился тяжелый каменный ливень, самый тяжелый из всех. Он хлестнул откуда-то сбоку, земля там подозрительно сотряслась. Ударяющий звук шлепнул по мокрому одеялу, которое свисало с кровли, будто что-то тяжелое, неповоротливое запуталось в толстой ткани. Затем со звоном свалилось на скалистый пол. Райнер, сидевший на корточках за стеной,

инстинктивно потянулся под одеяло и подобрал покореженный кусок железа.

— Что там у тебя? — машинально спросил его Амун.

Райнер молча сунул ему осколок. Потом тот пошел по рукам. Солдаты со странным чувством взвешивали его в ладонях. Когда же Петрика протянул его Поповичу, тот отодвинул брезент и швырнул чудовище прочь в овраг, послышалось гулкое гроыхание. Все про себя одобрили его поступок, им казалось, словно кто-то сбросил с кровати змею.

Напоследок голос Роде вывел их из тупого ожидания смерти. Выступаем. Один за другим они поднимались с лежанок. Из укрытия протянулась длинная цепочка мрачных, сторбленных солдатских фигур, которые спешили из ямы по направлению к плато. Глазам открылась низина, скошенная и вспаханная гранатами. Все еще с неослабевающей силой по ней шпарила артиллерия. Тем не менее приказ гласил, что нагорье нужно пересечь. Живыми или мертвыми, последнего никто не говорил, но это подразумевалось само собой.

Цепь спускалась по низине, пробираясь ползком мимо разрушенных каменных оград и опускаясь из одной впадины в другую. Приказ был следить за связью, но в этот момент он был излишним, так как каждый понимал, что потеря связи с товарищем, который ступает перед ним, означает смерть. Куда ты тут денешься один? Хотя все знали, что путь, которым их ведут, это дорога к смерти, каждый все же боялся одинокой смерти на этой изъеденной огнем каменистой поляне.

Цепь петляла по плоскогорью, в которое врезались гранаты и непрерывно летели брызги царапающей шрапнели. Хуже всего было идти мимо развалин брошенного поселка. Каким он был прежде, узнать было невозможно, упорствовало лишь несколько отдельно стоящих стен. По этому поселку артиллерия жгла с особым усердием. Поэтому они старались обойти его стороной. Они долго лежали за низенькой стенкой, возведенной когда-то вдоль дороги. Оттуда они стремглав мелкими перебежками пересекали дорогу. Когда опасный переход оставался позади, они с облегчением вздыхали. Там дальше, казалось, орудия бьют послабее. Затем они сошли направо вниз на какой-то склон. Здесь перед ними открылся вид на передние траншеи. Вспышки мин, ракет и прожекторов сверкали и превращали ночь в ясный день. Туман еще не опустился, поэтому пробиваться было особенно неприятно. Но нужно было двигаться дальше, так как там впереди линия окопов в некоторых местах была разорвана.

— Ложись! Огонь...

Из передних рядов предупреждение летело по цепи назад. Да. Уши, но и не только уши, каждая жилка в организме прислушивалась к пронзительному свисту низко над головами. Это уже мухи... Передняя линия теперь недалеко. Выстрелы винтовок хоть и не слышны, но пули ставят точки повсюду. Что-то ревет упорно и злобно. Это осы-пулеметы, которые слышны лишь тогда, когда на миг замирают утки-минометы. Им казалось, что они уже целую вечность прорываются через плоскогорье и что они прошли уже десятки километров. На самом же деле расстояние, которое оказалось у них за спиной, было почти незаметным.

Командование снова послало весть:

— Еще немного, и мы в окопах. Там будет лучше...

Лучше...? И все же, кажется, что сердце верит.

Через какое-то время снова:

— Занимаем сектор номер пять.

Там у противника якобы образовалась брешь. Кто-то из наших, или Альмер, или Сегал, уже был в курсе, что там побывали румыны и все изуродовали. Но эта новость сейчас никого не интересовала. Сейчас у всех в головах был только сектор номер пять. Пока никто о нем не знал, никого не волновало, куда на самом деле ведет маршрут. Теперь же этот таинственный сектор начал сверлить мозг. Еще несколько раз пришлось залечь, затем дорога по цепочке стала опускаться вниз, ноги начали вязнуть в мягкой, скользкой грязи, из которой высовывались острые скалы.

— Траншея!

Передние подождали, и цепь подтянулась. Хотя траншея была плохой, низкой и узкой, и ходьба по ней была труднее, чем по открытому пространству, тем не менее все приободрились. Окоп есть окоп, даже для того, кто впервые в жизни шагает по нему. Артиллерийский огонь уже ударял вовсю, теперь они все больше приближались к обстрелу передней линии. Слышались уже и залпы ружей, раздающиеся откуда-то прямо из земли. В стенку окопа навязчиво постукивало: з-з-к с-к. Спины согнулись еще ниже.

Снопы обжигающего света перед ними становились все ярче...

Спереди все время предостерегали:

— Тихо, тихо, что вы там сзади делаете?

Кто что мог делать в таком положении? Цепь несколько раз перекатилась в какие-то боковые рвы, которые были еще хуже; нужно было то подниматься, то спускаться. Дважды или трижды они были вынуждены затаиться на дне, так как через каменные ухабины пролетала мина и взрывалась сразу у них за спиной, обдав кого-то грязью. Затем загромыхало перед самым носом. Еще несколько шагов, и ефрейтор Копайник, неожиданно появившийся возле низкой насыпи канавы, схватил Штефанича за плечи, прижал его к мокрой стене рва и сказал:

— Ты — здесь!

— Что? — вылутился на него Штефанич.

Не успел он закрыть рот, как Копайник уже помчался вперед, и откуда-то слева он снова услышал его приглушенный голос:

— Барфусс, ты здесь!

Мимо Штефанича, который все еще стоял как вкопанный, прислонившись к стене, продолжала бряцать цепь, никто не обращал на него внимания. Мимо прошли Амун, Палир, Хольцман — насколько он мог разглядеть в темноте. Потом он уже больше не мог следить за ними, так как из узкой щели в стене траншеи просочилась небольшая тень солдата.

— Здесь безопасно! — шепнула ему тень. Не успел он узнать, с кем говорит, как солдат уже отвернулся и исчез в изгибах кротовин. Какое-то чувство толкнуло его в проем, который только что оставила тень, руками он нащупал что-то мягкое и смог сесть, его голова оказалась защищена за низкой насыпью. Сидение было удобное, мягкое и еще хранило тепло его предшественника. Прежде чем он успел ощупать пространство вокруг себя и найти бойницу, куда положить винтовку, замыкающие уже шумно прошагали мимо него по рву.

Он был один. Непередаваемая тоска сжала его изнутри. Какое-то время он выплядывал, не пройдет ли еще кто-нибудь по окопу, потом прислушался к охватившей его тревоге. Но это длилось лишь мгновение. После пришло осознание, что он на фронте, на линии огня. Справа и слева трещали ружья. Это его товарищи. Тогда он тоже прижался к винтовке и сделал свой

первый выстрел, взлетевший куда-то высоко в голубоватое небо, будто он посылал ему свое первое приветствие...